

---

## КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н.Н. Бедина<sup>1</sup>

*Северный (Арктический) федеральный университет имени  
М.В. Ломоносова*

### СОЛОВЕЦКИЙ ТЕКСТ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В истории русского старообрядчества одним из ключевых событий стало Соловецкое восстание 1668–1676 гг. «Пороговость», пограничность характеризует внутреннюю семантику событий, переживаемых участниками «Соловецкого сидения». Иеротопический образ Соловецкого монастыря как огражденного, крайнего места, хранящего нерушимое благочестие, получил воплощение в Челобитных о вере, составленных старцем Геронтием и поданных царю Алексею Михайловичу от имени монахов мятежной обители. Пространственно-временными оппозициями, определяющими ключевые черты образа монастыря, являются его одновременно «порубежное» и центральное положение, оппозиции старое / новое, вечное / временное, подчеркивающие эсхатологическую перспективу в восприятии событий иноками и их готовность принять мученический конец. Иеротопические идеи Челобитных продолжает и развивает «История об отцах и страдальцах соловецких», созданная Семеном Денисовым в 20-е годы XVIII в. Здесь «рубужное» пространство островного монастыря выстраивается с помощью трех ключевых концептов: «остров», «сад» и «град», – имеющих символично-аллегорическое толкование как образ Рая.

**Ключевые слова:** старообрядчество, Соловецкий монастырь, иеротопия, хронотоп, семантика рубежа, образ Рая.

---

<sup>1</sup> Наталья Николаевна Бедина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

**N. N. Bedina**

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov*

## **SOLOVETSKY TEXT IN THE OLD BELIEF TRADITION**

In the Russian Old Belief history, the Solovetsky Monastery Uprising of 1668-1676 is one of the key events. «Liminality» characterizes the internal semantics of the events experienced by the participants involved in the «Solovetsky Sitting». The Solovetsky Monastery hierotopic image is an image of barred, marginal place, being faithful to the Old Belief. It was externalized in the Petitions about Belief composed by monk Gerontius and submitted to Tsar Alexei Mikhailovich on behalf of the rebellious monastery monks. Space-time oppositions that determine the key features of the monastery image are the both lying on the border and central position, the «old/new» and the «eternal/temporary», emphasizing the eschatological perspective in the events perception by the monks and their willingness to accept the martyr's end. «The history of Solovetsky fathers and sufferers» by Simeon Denisov continues and develops the hierotopic ideas of the Petitions. «The Story» was created in the 20s of the 18th century. Here the island monastery "boundary" space is built with the help of three key concepts: «island», «garden» and «city», which have symbolic and allegorical interpretation as an image of Paradise

**Key words:** Old Belief tradition, Solovetsky Monastery, hierotopy, chronotope, semantics of the boundary, image of Paradise.

Изучение старообрядческой традиции в отечественной науке стало заметным этнокультурным явлением. Для нашего исследования методологически важным является определение старообрядчества как традиции, находящейся «на пределе». Речь идет не только о формирующихся в среде приверженцев старой веры устойчивых эсхатологических представлений о «последних временах» в их конкретном воплощении (этой проблеме посвящена обширная научная литература [Бессонов, 2014, с. 94-122; Бубнов, 2006; Гурьянова, 2012; Зеньковский, 1995; Памятники, 2000; Романова, 2012; Старицын, 2017; Чумичева, 2009б; Юхименко, 2016 и др.]). Нас интересует прежде всего пространственно-временной образ предела, рубежа, который характеризует хронотоп текстов, входящих в корпус старообрядческих сочинений.

---

Во всех смыслах «пороговым» событием в противостоянии «ревнителей древнего благочестия» реформе патриарха Никона и решениям Церковных соборов 1654–1667 годов явилось Соловецкое восстание 1668–1676 годов, когда братия Соловецкого монастыря открыто выступила против воли царя Алексея Михайловича (библиография по истории Соловецкого восстания собрана в [Соловки, 2002]). Несмотря на отсутствие единомыслия среди участников «сидения» по отношению к неприятию новых книг и другим вопросам [Синицына, 1994–1996], сопротивление длилось почти восемь лет. В последние годы осады монастыря правительственными войсками настроения части соловецких защитников стали резко радикализироваться: «царская земля по монастырь, а монастырь – не царская земля» [Чумичева, 2009б]. В 1676 году правительство, благодаря измене среди осажденных, смогло одолеть Соловецкую крепость, защитники которой были преданы мучениям и убиты. Расправа над мятежным монастырем обозначила границу, за которой стала очевидной невозможность примирения противоборствующих сторон.

Почти десятилетнее стояние Соловецкого монастыря за старую веру стало одним из ключевых событий в истории всего русского старообрядчества. Соловецкие монахи, избежавшие мучительной казни, сыграли значительную роль в распространении старообрядческих воззрений на Севере России. Позднейшие старообрядцы, считавшие себя наследниками Соловецких отцов, сохранили образ монастыря как центра нерушимого благочестия, освященного мученичеством [Юхименко, 2010]. В культурно-географическом отношении Соловецкие острова, используя терминологию Сузанне К. Франк, можно определить как «центр на краю» [Франк, 2017]<sup>1</sup>. «Пороговость», пограничность характеризует внутреннюю семантику событий, переживаемых участниками «сидения».

---

<sup>1</sup> Мысли С. Франк о связи Соловков, Русского Севера и в целом русской культуры созвучны идеям Д.С. Лихачева [Лихачев, 1999] и В.Н. Матонина [Матонин, 2014]).

Культурологическое осмысление «пограничности» Русского Севера предложено Н.М. Терехихиным:

«... это русская культура, выдвинутая на свой последний рубеж, на предел своего существования, когда актуальным становится вопрос о ее существовании. В подобной «пороговой» ситуации любая культура мобилизует все свои внутренние («аварийные») ресурсы, включая механизмы самосохранения, связанные с обеспечением ее целостности и идентичности. <...> Культура, функционирующая на пределе – исходе своего существования (подобно лиминальным существам ритуалов перехода), свертывается к своему «утробному» состоянию, возвращается к своим исходным основаниям, сужается до самосознания, до своей порождающей модели. Вот почему родовые черты «материнской» культуры в северно-русской традиции были не просто усилены (актуализированы), но сокращены и свернуты до полного обнажения ее конструктивного каркаса, до порождающей модели» [Терехихин, 2004, с. 212].

Нас в рамках настоящей статьи интересуют «родовые черты» средневековой культуры, воплотившиеся в осмыслении старообрядческой традиции иеротопии Соловецкой обители<sup>1</sup>. О.В. Чумичева, характеризуя «Повесть о видении инока Ипатия» (1667 г.), высказывает ключевой для нас тезис:

«Как известно, каждый монастырь в определенном смысле является иконой Небесного Иерусалима, образом, восходящим к первообразу Небесного Града. И выражается это в наличии обязательных «точек»: начиная от алтаря центрального храма и заканчивая священным колодцем, Святыми воротами и т.п. <...> возведенный на острове «во отце окияна-моря», (Соловецкий монастырь – *Н. Б.*) обретал черты иного пространства, отделенного от грешного мира и духовно, и физически. Замкнутое и идеально обустроенное хозяйство, достаточная автономность существования, полнота церковной жизни позволяли насельникам воспринимать свой малый мир как «столп каменный», переходящий в сакральное пространство <...> Соловецкий монастырь – в отличие от Воскресенского – не носил официально имени Нового Иерусалима. Его физическое подобие священному граду не превышало той меры, что существовала для любого монастыря и храма. Но именно это и делало

---

<sup>1</sup> Термин «иеротопия» предложил А.М. Лидов [Лидов, 2006].

---

возможным его восприятие как истинно сакрального места – не искусственного и рукотворного, а поименованного самим Богом, избранного и освященного неизбежным мученичеством. Это был духовный Иерусалим, временно обретающий топографическую привязку на земле» [Чумичева, 2009а, с. 832-833].

В событиях Соловецкого восстания и текстах, ему посвященных, этот образ «автономного», огражденного святого места, хранящего нерушимое благочестие, правую веру и освященного неизбежным мученичеством, выразился особенно откровенно.

Анализируя отражение иеротопической модели монастыря в старообрядческой традиции, мы остановились, во-первых, на текстах Челобитных о вере, поданных царю Алексею Михайловичу от имени монахов Соловецкого монастыря [Чумичева, 2009б, с. 290-330; Соловецкий архив, 2015]. Челобитные были составлены в самом монастыре непосредственно во время восстания и дали начало старообрядческому богословию. Во-вторых, иеротопическая модель монастыря выявляется на материале «Истории об отцах и страдальцах соловецких», созданной Семеном Денисовым (одним из основателей Выговского старообрядческого общежития) в 20-е годы XVIII столетия по документам и устным воспоминаниям еще свидетелей событий [Семен Денисов, 2015]. Повесть Семена Денисова продолжает и развивает иеротопические идеи Челобитных. Архивные материалы, непосредственно вышедшие из осажденного Соловецкого монастыря (среди них Челобитные), и присоединенная к ним позднее Повесть Семена Денисова стали текстами, составившими основу Соловецкого цикла в старообрядческих рукописных сборниках [Грицевская, 2009].

Полемическая задача, стоявшая перед автором-составителем Челобитных старцем Геронтием [Бубнов, 2006], определяет характер пространственно-временных оппозиций, обозначающих ключевые черты образа монастыря.

1. Одновременно «порубежное» и центральное положение монастыря:

«И вели, государь, нам в том же предании бытии, <...> чтоб нам, богомолцом твоим и трудником врознь не разбрестися; и твоему, великого государя, богомолию, **украинному и порубежному месту** от безлюдства не запустеть» (Третья челобитная) [Чумичева, 2009б, с. 299].

Но неизменное перечисление основателей Соловецкой обители преп. Зосимы, Савватия и Германа, а также свт. Филиппа (Колычева) наряду с Апостолами и св. Отцами определяет монастырь как центр мирового Православия:

«А предания, великий государь, святых апостол и святых отец седви вселенских соборов, в коем прародители твои государевы, благоверные цари и благочестивые великие князи и начальники наши, преподобнии и богоноснии отцы и чудотворцы Зосимо и Саватие и Герман и преосвященный Филип, митрополит Московский и всея Руси, и иные многие святи отцы угодили Господу Богу, и отцы наши скончалис, ныне нам, богомолцом твоим, держати и последовати возбраняют» (Третья челобитная, Четвертая и Пятая челобитные повторяют тот же принцип) [Чумичева, 2009б, с. 296].

Характеристика центрального положения поддерживается указанием на то, что в монастырь приходили или были сосланы «греческие и русские и киевские» церковные иерархи и игумены для того, чтобы «им **навыкнути у нас во обители** православные христианские веры и истинного благочестия и иноческаго чина» (Пятая челобитная) [Чумичева, 2009б, с. 323].

2. Временные оппозиции старое / новое, вечное / временное, подчеркивающие эсхатологическую перспективу: монастырь – последний оплот правой веры в последние времена.

«А нынешняя, государь, **на конец последнего сего века** новые веры проповедницы зело горды и немилосерды (Пятая челобитная) [Чумичева, 2009б, с. 307];

«...мы, богомолцы твои, держимся того же предания святых отец и соборного уложения **неизменно**» (Третья челобитная, эта мысль подробно развивается также в Пятой челобитной) [Чумичева, 2009б, с. 297, 323, 326-327];

---

«...надемся в день Страшного Суда пред самим Господом Богом не осуждены быти, наипаче же и милость получитьи» (Четвертая челобитная) [Чумичева, 2009б, с. 300].

В последних Челобитных откровенно высказывается готовность принять мученический конец и тем самым сохранить вечность и неизменность апостольского предания:

«вели, государь, на нас свой царьской меч прислать, и от сего мятежнаго жития преселити нас на оное **безмятежное и вечное житие**; а мы тебе, великому государю, не противны. Ей, государь, от всея души у тебя, великого государя, милости о сем просим, и вси с покаянием и с восприятием на себя великого ангельского чину на той смертуй час готовы» (Четвертая челобитная, эта же мысль высказывается в Пятой челобитной) [Чумичева, 2009б, с. 301, 307-308, 329].

Темы ангельского жития и тесно связанного с ним мученического подвига, чаемого Соловецкими иноками, в полной мере реализованы в хронотопе текста «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Здесь сакральное пространство островного монастыря выстраивается с помощью трех ключевых концептов: «остров», «сад» и «град», – имеющих символично-аллегорическое толкование как образ рая.

Эсхатологическая ориентация пространства на образ «святого града» (Горнего Иерусалима) в христианской культуре проявляется в трех основных формах:

– через топографические и топонимические ассоциации с земным Иерусалимом (Святой Землей) и Константинополем (Вторым Иерусалимом) [Юрьева, 2015]. «Повесть о видении инок Ипатия» (1667 г.), где изображено противостояние соловецкого инок Ипатия бесам, посягавшим на истинную веру, и выражено общее для будущих осажденных убеждение, что Соловецкий монастырь – это Новый Иерусалим:

«А говорить ту де книгу самъ сатана съ еретики писал во адѣ 30 лѣтъ. И тою книгою смутили **Римъ, и Греческую землю, и Русскую**. А нынѣ де

он посла нас на се мѣсто, учити и смущати» (выделено нами – Н. Б.) [Гадалова, 2016];

– через символические ассоциации с Библейским описанием Небесного Иерусалима (Иез. 40-42; Откр. 21: 15-17), о чем говорит О.В. Чумичева в отношении Соловецкого монастыря [Чумичева, 1993; Чумичева, 2009а];

– через символические ассоциации с образом райского сада. Как пишет И.С. Редькова, ««сад» и «град» являлись ключевыми концептами в восприятии идеальных форм бытия и пространства» [Редькова, 2014, с. 213].

Повесть Семена Денисова – эпическое сочинение, где Соловецкое «сидение» вписано в широкий культурно-исторический контекст. Образ небесного Иерусалима (куда зовет с собой юродивый Иоанн накануне восстания) и особенно процветшего райского сада составляют риторическую раму, в которую вписано основное повествование:

«Таково бяше преподобных отецъ саждение, таковый многоблагодный садъ, каковое благорасленное древо, при водахъ Божиихъ законовъ насажденное» [Семен Денисов, 2015, с. 182];

«Таковъ убо преподобныхъ отецъ киновии всеблагоуханнѣйший и многоплодовитый виноград, таков преблагокраснѣйший и всесвятѣйший садъ» [Семен Денисов, 2015, с. 209].

Издатели текста Повести обращают особое внимание на символику сада в образной системе произведения и ее рецепции в старообрядческой литературе [Юхименко, Поньрко, 2002].

Авторская задача Семена Денисова – дать «объективное» описание восстания и определить истоки русского старообрядчества – обуславливает и концепцию Соловков как места предельного, исключительного, реализующего хронотоп первоначала.

Усиливая образ монастыря как хранителя и оплота правой веры, автор повести возводит его значение в самые высокие степени. Буре, «трусу великому», поразившему всю Русскую Церковь в результате «новостей» Никоновых, противостоят **только** Соловки:

«Никто же обрѣтается противу стоящъ, никто же оныя новшества возражающъ, ни единъ от великих монастырей и градовъ мало постоая, страху царскаго указа вся колеблющу» [Семен Денисов, 2015, с. 183].

Соловецкому монастырю «посредѣ российскихъ монастырей свѣтитися, яко лунѣ посредѣ звѣздъ» [Семен Денисов, 2015, с. 179], соловецкие иноки известны по всему православному миру (ср. с «Повестью о видении инока Ипатия» и Челобитными). Идейного вдохновителя восстания архимандрита Никанора Семен Денисов называет духовником самого царя, что документально не подтверждено иными источниками. Из Соловецких монахов вышли многие архиереи – прежде всего, свт. Филипп Митрополит (Колычев) и патриарх Никон, возросший в Анзерском скиту.

Соединение в одном контексте образов свт. Филиппа и Никона (у Семена Денисова – Каинова наследника) демонстрирует амбивалентность соловецкого хронотопа. Соловецкий монастырь единственный противостоит Никону, но он и неразрывно с ним связан: соловецкие провидцы предсказывают и будущие потрясения, инициированные Никоном (видение Елезара Анзерского), и его желание лишить Соловки св. мощей свт. Филиппа (предсказание пекаря Гурия). В 1652 году Никон перевез в Московский Успенский собор мощи свт. Филиппа (о типологических параллелях между фигурами свт. Филиппа и патриарха Никона см. [Севастьянова, 2014]). С судьбой Соловецкого монастыря соединяется и личная судьба царя Алексея Михайловича: его смерть не только предсказана бельцом Дмитрием на стене осажденного монастыря, но и последовала сразу после взятия и разорения обители, что однозначно прочитывается как наказание и, может быть, вразумление царя.

Эсхатологическое пространство монастыря как райского сада объединяет семантику как начала («свята и славна»), так и конца («богоудна и праведна»). Вместе с тем временная и оценочная амбивалентность определена островным хронотопом с его архаической семантикой иномирия [Мифологический словарь, 1990, с. 107; Топоров, 1995, с. 575-597]. Сакральное пространство Соловков заполняют символические образы, обладающие исключительной амбивалентностью: огонь – это казнь и орудие

мучений, это возжигающийся гнев царя и огонь ярости мучителей, но это и маркер чуда (зной пекарни Гурия, огненный столб в момент смерти отшельника о. Павла), и средство спасения, очищения (особенно в последней части Повести, где Семен Денисов повествует о духовных последствиях разорения Соловецкого монастыря и жертвенных подвигах приверженцев старой веры). Семантику казни и одновременно чуда и спасения несут также образы льда и студеной воды, бури и ветра, мора и «вскипания червей», и даже плодоносного сада и цветов:

«...блаженная страдалец тѣлеса, яже на губе морстѣй лежащая, яже на столпѣхъ различно висящая, яже на земли острова казненно поверженная, ... тако лежаху, яко цвѣтъ на поляхъ, яко кринь во удопѣхъ, тако цвѣтяху и благоукрашахуся» [Семен Денисов, 2015, с. 199].

Т.В. Романова, анализируя актуализацию концепта «соловки» в текстах культуры XIX–XX вв., приходит к выводу, что семантика амбивалентности сохраняется в нем и до настоящего времени: это святой остров, потерянный рай, «духовная лечебница», но это и остров смерти, «больной остров» [Романова, 2012].

Пограничность, «порубежность» пространства Соловецкого монастыря остается одной из ключевых его характеристик. Говоря словами В.Н. Матонина, «на крайних рубежах и в предельных (на уровне жизни и смерти) обстоятельствах наиболее зримо проявляются основополагающие качества явлений» [Матонин, 2006]. Бинарная оппозиция как принцип организации внутреннего и внешнего пространства становится в этом случае средством самоопределения. Таким образом, мифологически обусловленное осмысление острова как иномирия в сочетании с традиционными средневековыми иеротопическими моделями «запертого сада» и «Небесного Иерусалима» определяет «порубежный» хронотоп текстов, посвященных Соловкам. Сочинения, реализующие «предельный» пространственно-временной образ мира, входят в старообрядческий корпус текстов в качестве его центрального звена.

---

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

**Бессонов, И. А.** Русская народная эсхатология: история и современность / И.А. Бессонов. – Москва: Гнозис, 2014. – 336 с.

**Бубнов, Н. Ю.** Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне / Н.Ю. Бубнов. – Санкт-Петербург: Русская симфония, 2006. – 320 с.

**Гадалова, Г. С.** Тверской список Повести о видении инока Ипатия: исследование и публикация / Г.С. Гадалова // Язык и текст. langpsy.ru. – 2016. – Т. 3. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Gadalova.shtml> (25.02.2018).

**Грицевская, И. М.** Структура старообрядческих сборников: Соловецкий и Пустозерский циклы в сборнике из Нижегородской областной библиотеки / И.М. Грицевская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 4. – С. 288-294.

**Гурьянова, Н. С.** Об эсхатологических построениях Соловецких иноков / Н.С. Гурьянова // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. / РАН. Сиб. отд-ние; Ин-т истории; отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – С. 29-43.

**Зеньковский, С. А.** Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века / С.А. Зеньковский. – Москва, 1995. – 92 с. (Приводится по изданию: Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. Munch., 1970. (Forum Slav.; Т. 21)).

**Лидов, А. М.** Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования / А.М. Лидов // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. – Москва: Индрик, 2006. – С. 9-58.

**Лихачев, Д. С.** Соловки в истории русской культуры / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Раздумья о России: Сб. ст. – Санкт-Петербург: Logos, 1999. – С. 572-615.

**Матонин, В. Н.** Семантика геокультурного пространства Русского Севера / В.Н. Матонин // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. – 2014. – № 28. – С. 89-95.

**Матонин, В. Н.** «Соловки» как образ и символ / В.Н. Матонин // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Материалы VII Ломоносовских международных чтений. – Архангельск: Изд-во Поморского ГУ, 2006. – С. 32-38.

**Мифологический словарь** / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

**Памятники** старообрядческой письменности / Рус. христиан. гуманитар. ин-т. Вып. 1. – Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 382 с.

**Редькова, И. С.** Образ города в западноевропейской экзегетике XII века: дис. ... канд. исторических наук: 07.00.03 / И.С. Редькина. – Москва: Изд-во МГУ, 2014. – 326 с.

**Романова, Н. И.** Эсхатологические представления старообрядцев / Н.И. Романова // Вестник КемГУКИ. – 2012. – № 18. – С. 42-51.

**Романова, Т. В.** Топоним Соловки в русском художественно-публицистическом дискурсе: Образ? Понятие? Символ? Метафора? Культурема? Мифологема? Идеологема? Аксиологема? Концепт? / Т.В. Романова // Мир русского слова. – 2012. – № 3. – С. 30-37.

**Севастьянова, С. К.** Патриарх Никон и мирополит Филипп (Кольчев): еще раз о жизненных ориентирах и подобию / С.К. Севастьянова // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Вып. 13. – Архангельск; Москва: Изд-во Товарищества Северного Мореходства, 2014. – С 75-86.

**Семен Денисов.** История об отцах и страдальцах соловецких / Семен Денисов // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Н. В. Поньрко; подгот. текстов и комментарии Е.М. Юхименко. – Т. 19: XVIII век. – Санкт-Петербург: Наука, 2015. – С. 178-211.

**Синицына, Н. В.** К истории раскола последней трети XVII века (Соловецкое и Московское восстания) / Макарий (Булгаков). История Русской Церкви / Н.В. Синицына. – Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. – С. 3015-3024.

**Соловецкий архив** – Собрание документов эпохи. – Санкт-Петербург: Издательский проект «Quadrivium», 2015. – 904 с.

**Соловки** – это целый мир: Рек. указ. лит. / Сост.: М.А. Смирнова, З.В. Истомина, Л.А. Радикайнен; АОНБ им. Н.А. Добролюбова; Соловец. гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник. – Архангельск; Соловки: Изд-во ПГУ, 2002. – 96 с.

**Старицын, А. Н.** Эсхатологическое учение как источник формирования стратегии поведения староверов / А.Н. Старицын // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3 (69). – С. 130-131.

**Теребихин, Н. М.** Метафизика Севера / Н.М. Теребихин. – Архангельск: Поморский ун-т, 2004. – 272 с.

**Топоров, В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследование в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – Москва: Прогресс–Культура, 1995. – 624 с.

**Франк, Сузанне К.** Соловецкий текст. Часть 1 / Перевод О.Б. Лебедевой / **К. Франк Сузанне** // Имагология и компаративистика / Национальный исследовательский Томский государственный университет. – 2017. – № 7. – С. 166-180.

**Чумичева, О. В.** Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. / О.В. Чумичева // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. – Т. 47. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1993. – С. 285-292.

**Чумичева, О. В.** Соловецкий монастырь как старообрядческая альтернатива Новому Иерусалиму Патриарха Никона / О.В. Чумичева // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. – Москва: Индрик, 2009. – С. 829-834 (а).

**Чумичева, О. В.** Соловецкое восстание 1667–1676 годов. / О.В. Чумичева. – Москва: ОГИ, 2009. – 352 с. (б).

**Юрьева, Т. В.** Метагеография и иеротопия: категория пространства в средневековой культуре / Т.В. Юрьева // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 3. – С. 163-170.

**Юхименко, Е. М.** Старообрядческая история Соловков / Е.М. Юхименко // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие

Соловецкого монастыря / Отв. ред. О.В. Панченко. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – С. 289-313.

**Юхименко, Е. М.** Старообрядчество: История и культура / Е.М. Юхименко. – Москва: Криница, 2016. – 854 с.

**Юхименко, Е. М.** «История об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова в духовной жизни русского старообрядчества XVIII – XX вв. / Е.М. Юхименко, Н.В. Понырko // Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подг. Н.В. Понырko и Е.М. Юхименко. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 272 с.

#### REFERENCES:

**Bessonov, I. A.** Russkaya narodnaya eskhatalogiya: istoriya i sovremennost'. – Moskva: Gnozis, 2014. – 336 s.

**Bubnov, N. Yu.** Pamyatniki staroobryadcheskoi pis'mennosti: Sochineniya Gerontiya Solovetskogo. Istoriya o patriarkhe Nikone. – Sankt-Peterburg: Russkaya simfoniya, 2006. – 320 s.

**Chumicheva, O. V.** Povest' o videnii inoka Ipatiya i nastroeniya v Solovetskom monastyre nakanune vosstaniya 1667–1676 gg. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury / RAN. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom); otv. red. D. S. Likhachev. – T. 47. – Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1993. – S. 285-292.

**Chumicheva, O. V.** Solovetskii monastyr' kak staroobryadcheskaya al'ternativa Novomu Ierusalimu Patriarkha Nikona // Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv / Red.-sost. A.M. Lidov. – Moskva: Indrik, 2009. – S. 829-834.

**Chumicheva, O. V.** Solovetskoe vosstanie 1667–1676 godov. – Moskva: OGI, 2009. – 352 s.

**Frank, Suzanne K.** Solovetskii tekst. Chast' 1 / Perevod O.B. Lebedevoi / Suzanne K. Frank Suzanne // Imagologiya i komparativistika / Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. – 2017. – № 7. – S. 166-180.

**Gadalova, G. S.** Tverskoi spisok Povesti o videnii inoka Ipatiya: issledovanie i publikatsiya / G. S. Gadalova // Yazyk i tekst. langpsy.ru. – 2016. – T. 3. – № 4. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Gadalova.shtml> (25.02.2018).

---

**Gritsevskaya, I. M.** Struktura staroobryadcheskikh sbornikov: Solovetskii i Pustozerskii tsikly v sbornike iz Nizhegorodskoi oblastnoi biblioteki / I. M. Gritsevskaya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2009. – № 4. – S. 288-294.

**Gur'yanova, N. S.** Ob eskhatologicheskikh postroeniakh Solovetskikh inokov / N. S. Gur'yanova // Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI–XX vv. / RAN. Sib. otdnie; In-t istorii; otv. red. N.N. Pokrovskii. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012. – S. 29-43.

**Lidov, A. M.** Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya / A.M. Lidov // Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi / Red.-sost. A. M. Lidov. – Moskva: Indrik, 2006. – S. 9-58.

**Likhachev, D. S.** Solovki v istorii russkoi kul'tury / D.S. Likhachev // Likhachev D.S. Razdum'ya o Rossii: Sb. st. – Sankt-Peterburg: Logos, 1999. – S. 572-615.

**Matonin, V. N.** Semantika geokul'turnogo prostranstva Russkogo Severa / V. N. Matonin // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva. – 2014. – № 28. – S. 89-95.

**Matonin, V. N.** «Solovki» kak obraz i simvol / V. N. Matonin // Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury. Vyp. 2. Materialy VII Lomonosovskikh mezhdunarodnykh chtenii. – Arkhangel'sk: Pomorskogo GU, 2006. – S. 32-38.

**Mifologicheskii slovar'** / Gl. red. E. M. Meletinskii. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – 672 s.

**Pamyatniki** staroobryadcheskoi pis'mennosti / Rus. khristian. gumanitar. in-t. Vyp. 1. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 2000. – 382 s.

**Red'kova, I. S.** Obraz goroda v zapadnoevropeiskoi ekzegetike XII veka: dis. ... kand. istoricheskikh nauk: 07.00.03 / I. S. Red'kova. – Moskva: Izd-vo MGU, 2014. – 326 s.

**Romanova, N. I.** Eskhatologicheskie predstavleniya staroobryadtsev / N. I. Romanova // Vestnik KemGUKI. – 2012. – № 18. – S. 42-51.

**Romanova, T. V.** Toponim Solovki v russkom khudozhestvenno-publitsisticheskom diskurse: Obraz? Ponyatie? Simvol? Metafora?

Kul'turema? Mifologema? Ideologema? Aksiologema? Kontsept? / Т. V. Romanova // *Mir russkogo slova.* – 2012. – № 3. – S. 30-37.

**Sevast'yanova, S. K.** Patriarkh Nikon i miropolit Filipp (Kolychev): eshche raz o zhiznennykh orientirakh i podobiyakh // *Solovetskoe more. Istoriko-literaturnyi al'manakh. Vyp. 13.* – Arkhangel'sk; Moskva: Izd-vo Tovarischestva Severnogo Morehodstva, 2014. – S 75-86.

**Semen Denisov.** Istoriya ob otsakh i stradal'tsakh solovetskikh // *Biblioteka literatury Drevnei Rusi / RAN. IRLI; pod red. N. V. Ponyrko; podgot. tekstov i kommentarii E. M. Yukhimenko.* – T. 19: XVIII vek. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2015. – S. 178-211.

**Sinitsyna, N. V.** K istorii raskola poslednei treti XVII veka (Solovetskoe i Moskovskoe vosstaniya) / N. V. Sinitsyna // *Makarii (Bulgakov). Istoriya Russkoi Tserkvi.* – Moskva: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1994–1996. – S. 3015-3024.

**Solovetskii arkhiv** – Sbranie dokumentov epokhi. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skii proekt «Quadrivium», 2015. – 904 s.

**Solovki** – eto tselyi mir: Rek. ukaz. lit. / Sost.: M. A. Smirnova, Z. V. Istomina, L. A. Radikainen; AONB im. N. A. Dobrolyubova; Solovets. gos. ist.-arkhitektur. i prirod. muzei-zapovednik. – Arkhangel'sk; Solovki: Izd-vo PGU, 2002. – 96 s.

**Staritsyn, A. N.** Eskhatologicheskoe uchenie kak istochnik formirovaniya strategii povedeniya staroverov / A. N. Staritsyn // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* – 2017. – № 3 (69). – S. 130-131.

**Terebikhin, N. M.** Metafizika Severa. – Arkhangel'sk: Pomorskii un-t, 2004. – 272 s. (In Russian)

**Toporov, V. N.** Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovanie v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. – Moskva: Progress–Kul'tura, 1995. – 624 s.

**Yukhimenko, E. M.** Staroobryadcheskaya istoriya Solovkov // *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyrya / Otv. red. O.V. Panchenko.* – Sankt-Peterburg: Nauka, 2010. – S. 289-313.

**Yukhimenko, E. M.** Staroobryadchestvo: Istoriya i kul'tura. – Moskva: Krinitsa, 2016. – 854 s.

**Yukhimenko, E. M., Ponyrko, N. V.** «Istoriya ob otsakh i stradal'tsakh solovetskikh» Semena Denisova v dukhovnoi zhizni

---

russkogo staroobryadchestva XVIII – XX vv. // Semen Denisov. Istoriya ob otsakh i stradal'tsakh solovetskikh: Litsevoi spisok iz sobraniya F.F. Mazurina / Izd. podg. N. V. Ponyrko i E. M. Yukhimenko. – Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. – 272 s.

**Yur'eva, T. V.** Metageografiya i ierotopiya: kategoriya prostranstva v srednevekovoi kul'ture / T.V. Yur'eva // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. – 2015. – № 3. – S. 163-170.

**Zen'kovskii, S. A.** Russkoe staroobryadchestvo. Dukhovnye dvizheniya XVII veka / S.A. Zen'kovskii. – Moskva, 1995. – 92 s.